

0- 773186

На правах рукописи

Денисова Ирина Валентиновна

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ САМОСТИ ЛИЧНОСТИ

09.00.11 – социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Ростов-на-Дону – 2008

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)»

Научный руководитель: доктор социологических наук,
кандидат философских наук, профессор
Лукичев Павел Николаевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Золотухин Валерий Ефимович

доктор философских наук, профессор
Полонская Ирина Нисоновна

Ведущая организация: Ростовский юридический институт МВД России.

Защита состоится 19 декабря 2008 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160 ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГОУ ВПО ЮФУ (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан « 15 » ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439075

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in dark ink, appearing to be 'М.Б. Маринов'.

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Системный кризис социально-культурной реальности в постсоветской России и как его результат – трансформация поведения человека, сформировавшегося в условиях стабильного советского общества, повлекли за собой массовую утрату идентичности на индивидуальном и групповом уровне. В настоящее время сформировалось уже новое поколение, для которого СССР – книжная история, а альтернативы советской государственно-гражданской идентичности с ее разрушенной формулой «Я – советский», в сущности, не создано. Однако для нормального и плодотворного функционирования социального целого необходим ответ на вопрос: «Кто «Я» и каков смысл моего конкретного бытия?» Попытки ответа вызывают к жизни поиск и становление новых вариантов идентичности личности и социальных групп.

Кризис идентичности является проблемой не только для России. Он актуален во всем мире в связи с наступлением культуры постмодерна, информационной экономики, мировой политики. Моральная безответственность, глобальные экологические и технологические проблемы, ядерная и военная угрозы, биотехнологические эксперименты создают беспокойность общества по поводу ситуации утраты идентичности, в которой современный человек может потерять свои не только социальные, но и биологические свойства. В подтверждение кризиса идентичности можно привести слова Ж.Ф. Лиотара, который писал, что современный мир похож на «дезинтеграцию социальных агрегатов в массу индивидуальных атомов, брошенных в абсурд броунова движения»¹.

Потребность в идентичности, по замечанию Р. Рубинштейна, есть в «действительности потребность во множественной интегрированности идентичности, связанная со стремлением реализовать ее»². Приведенная мысль исследователя свидетельствует о многомерности идентичности человека: имеется в виду личностная и социальная идентичность, которые являются важными регуляторами самосознания и социального поведения. Причем идентичность в различных ее проявлениях имеет не только когнитивный, но и экзистенциально-нормативный смысл, включая в себя две большие подсистемы: личностную идентичность и социальную идентичность. Первая относится к самоопределению в рамках физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт, а вторая – социальная идентичность – открытие себя через другого, определяет принадлежность человека, во-первых, к различным социальным группам, и, во-вторых, самоопределение, самоидентификацию человека, что открывает путь к исследованию феномена социальной самости в контексте социальной идентичности человека.

¹ Лиотар Ж. Ф. Ситуация постмодерна // Философская и социологическая мысль. 1995. № 5. С. 15.

² Цит. по: Ядов В. А. Социальная идентичность личности. М., 1994. С. 3–4.

Актуальность выбранной темы продиктована не только социальной значимостью, но и собственно научными интересами, поскольку происходящее в последнее десятилетие обновление методов и расширение области философского исследования одновременно повлекли за собой изменение теоретических основ концепции, интерпретирующих проблемы идентичности и, соответственно, самости личности.

Степень разработанности темы. Личность и самосознание человека изучались на протяжении всей истории социально-философской мысли в трудах таких классиков, как Платон, Аристотель, Декарт, Локк, Юм, Лейбниц, Кант, Гегель, Фихте, Шопенгауэр, Гоббс, Франкл, Фейербах, Маркс, Энгельс, Кондильяк, Гольбах, Дидро, Хайдеггер, Сартр, Ясперс, Кьеркегор и др.

К пониманию социальной природы человека и необходимости его социальной идентификации пришли зарубежные исследователи Ч. Кули, Д.Г. Мид, И. Гофман, Т. Парсонс, У. Джеймс, З. Фрейд, К. Юнг, Г.С. Салливан, Э. Эриксон, П. Шарден и др.

Проблема личности с позиций ее социализации получила теоретическое обоснование в трудах классиков советской психологической школы, активно использующей философские концепции: Л.С. Выготского, В.М. Бехтерева, В.П. Тугаринова, С.Л. Рубинштейна, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, Д.Н. Узнадзе и др. Среди современных исследователей-психологов необходимо обозначить имена Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, А.В. Петровского, В.А. Петровского, В.В. Столина, Е.В. Шороховой и др.

Вопросам теории личности, природе человеческой субъективности и смыслу ее существования посвящены работы И.В. Ватина, В.Н. Брюшинкина, В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов, С.А. Левицкого, М.К. Мамардашвили, В.А. Ядова. Сознание как единство двух уровней отражения – интенционального и рефлексивного, исследовалось Т.П. Матяш; детское самосознание личности изучали А.А. Бодалев, Л.И. Божович, В.С. Мухина, П.Р. Чамата, И.И. Чеснокова, Д.Б. Эльконин и др.; исследованию российской идентичности посвящены работы Ю.Г. Волкова.

Проблема человеческого «Я», соотношения «Я» и самосознания личности исследовалась с различных сторон. Ф.Т. Михайлову волнует вопрос источников творческих способностей человека, диалектика творящего и сотворенного. А.Г. Спиркина «Я» интересует как носитель и одновременно элемент самосознания. Д.И. Дубровский подходит к «Я» как к центральному интегрирующему и активирующему фактору субъективной реальности. И.С. Кон исследует загадку человеческой «самости» с позиции сохранения целостности личности во времени. В.Г. Бахур прослеживает формирование и трансформацию образа «Я» в истории культуры и индивидуальном развитии личности.

Приведенная экспозиция концепций и подходов, имеющих место в сфере теории (теорий) личности, свидетельствует о сложности темы и существовании неразработанных аспектов и неразрешенных вопросов, к числу которых принадлежит и проблема социальной самости личности.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС УНИВЕРСИТЕТА

Цель исследования заключается в изучении феномена самости личности в социуме.

Достижение поставленной цели осуществляется в результате поэтапного решения следующих **исследовательских задач**:

- проанализировать основные концептуальные понятия, с помощью которых описывается индивидуальность человека;
- рассмотреть ведущие социально-философские модусы человеческого «Я»;
- исследовать феномен человеческой самости с позиции ее социальной сущности;
- выявить особенности проявления социальной самости человека;
- проанализировать проявления рефлексии человеческого «Я» как условия самоидентификации человека и идентификации личности социумом.

Объектом исследования является проблема идентичности личности в социальном пространстве.

Предметом исследования выступает социальная самость личности в контексте идентичности индивида для себя и для общества.

Гипотеза диссертационного исследования. Идентичность человека социально обусловлена и формируется в процессе трансформации индивида в личность, центральным элементом в структуре которой является феномен «Я», характеризующийся многомерностью проявлений: «Я» – идентичность (самость), «Эго» (субъективность) и «образ Я», которые взаимосвязаны и предполагают друг друга. Наряду с этим следует учитывать существование социальной самости как социально-ролевой детерминанты бытия индивида – «амплуа», которое приписывается личности обществом и индивидом самому себе.

Теоретико-методологические основания исследования. Диссертационная работа опирается на теоретические положения отечественных и зарубежных авторов в области философии, истории философии, культурологии, социологии, психологии. При исследовании понятий «индивидуальность» и «социальность» были привлечены частнонаучные подходы социологических и психологических школ. В частности, методы гуманистической психологии позволяют представить картину развития личности, сохраняющей свою индивидуальность и адаптирующей социально.

Основными философско-методологическими принципами исследования являются принципы объективности, системности, детерминизма и историзма. Основываясь на принципе объективности, диссертант рассматривает социальные условия возникновения самости. Принцип системности позволил получить представление о целостности исследуемого феномена самости в его индивидуальном и социальном аспектах. Принцип историзма дал возможность рассмотреть феномен социальной самости личности в ретроспективе. Принцип детерминизма ориентировал на исследование процесса личностного развития как генетически обусловленного и социально направляемого.

В исследовании используются также общенаучные методы, такие как анализ, синтез, дедукция, индукция, идеализация, сравнение, обобщение, метод теоретического моделирования и др.

Эвристической базой стали труды Т. Парсонса, Д.Г. Мида, И. Гофмана, ориентирующие на анализ исследуемого феномена с позиций теории ролей.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- рассмотрены и систематизированы основные концепции человеческой индивидуальности;
- изучены такие социально-философские модусы человеческого «Я», как «самость», «Эго», «образ Я»;
- исследована сущность социальной самости как условие идентичности личности человека для «себя» и для социума;
- представлен комплексный анализ феномена самости в единстве его историко-философского, социально-психологического, историко-культурного и других аспектов;
- дан анализ процессов самопознания и поиска себя как проявления рефлексирующего «Я» в контексте социальной идентичности личности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальная идентичность человека представляет многомерное понятие, включающее социальные, психологические, культурологические, биологические аспекты; определяет поведение человека, направленное на разделение внутреннего и внешнего миров, и раскрывается в таких понятиях, как «индивид», «личность» и «Я». В европейской философской традиции понятие идентичности ассоциируется с понятием самости личности, представляемой как сохранение идентичности личности и личностного «Я» в течение жизни индивида.

2. Понятие «Я» является центральным социально-философским понятием, категориальный статус которого определяется следующими его проявлениями: «Эго», «образ Я» и «самость». Указанные социально-философские модусы «Я» отражают интегральную целостность индивида, на основании которой он отличает себя от внешнего мира и от остальных людей. Проблема социальной самости перерастает рамки гносеологического соотношения сознания и самосознания и приобретает ценностный, социально-нравственный аспект, и на первый план выдвигается диалектика взаимопроникновения индивидуального и социально-всеобщего.

3. Самость возникает с развитием и посредством социальной деятельности и социальных отношений. Механизм формирования самости заключается в способности людей ставить себя на место других, действовать, как действуют другие, и рассматривать себя с точки зрения других. Процесс полного развития самости включает две стадии. Самость индивида конституируется организацией: 1) отдельных установок других индивидов по отношению к нему самому и друг к другу в рамках социальной деятельности; и 2) социальных установок обобщенного другого или социальной группы, которые включаются в сферу непосредственного опыта индивида и в качестве элементов инкорпорируются в его самость.

4. Индивидуальность человека обусловлена принадлежностью к какому-либо сообществу, интериоризацией и экстериоризацией социально-культурных правил, норм, установок этого сообщества: языка как средства, благодаря ко-

тому человек обретает и выражает свою индивидуальность; различных ролей, которыми наделяют его другие члены сообщества; установок членов этого сообщества. Совокупность факторов идентичности определяет социальный контекст самости человека.

5. Условием формирования самости является рефлексирование человеческого «Я» в различных когнитивных практиках. Когнитивная схема «самости» включает четыре принципа: интериоризации, усвоения оценок других людей; социального сравнения; самоатрибуции; смысловой интеграции жизненных переживаний. Хотя интериоризация внешних оценок, социальное сравнение и самоатрибуция – психологически разные процессы, они взаимосвязаны и часто переходят друг в друга на основе принципа смысловой интеграции «образа Я». Понятие смысловой интеграции подчеркивает не только системность, целостность «образа Я», но и его ценностно-смысловой характер, связь когнитивных аспектов «самости» с мотивационными.

6. В социально-философских исследованиях уже давно утвердился подход к рассмотрению личности в социуме через теорию ролей и социальных ожиданий. Однако последнее представляется в виде общественных ожиданий и предписаний по исполнению социальной роли независимо от личных качеств и психологических особенностей индивида. Эти представления (продолжая «театральную» аналогию И. Гофмана) должны быть дополнены пониманием социальной самости личности, как того «амплуа», которое приписывается личности обществом и индивидом самому себе. Иначе говоря, речь идет о том, какие роли может, с точки зрения общества, и хочет, чувствует в себе для этого силы, с точки зрения индивида, выполнить данная личность.

Практическая значимость исследования. Содержащиеся в работе выводы могут быть использованы для дальнейших философских и культурологических исследований идентичности личности человека. Возможно применение этих выводов для изучения процессов личностной и социальной самоидентификации и поисков путей разрешения конфликтов, возникающих в ходе этих процессов, а также для экспертизы инноваций, затрагивающих самобытность сообществ.

Материалы диссертационного исследования могут использоваться при анализе актуальных проблем философии, социологии, психологии, а также при составлении общих и специальных учебных курсов по социальной философии, философской антропологии, психологии, культурологии.

Апробация работы. Концептуальные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научно-практических конференциях регионального, всероссийского и международного уровней (гг. Ростов-на-Дону, Саратов, Новочеркасск, Шахты, 2005–2008 гг.).

Содержание диссертации обсуждалось на объединенных заседаниях кафедр «Философия», «Социология и психология» и «Дизайн и культурология» Южно-Российского государственного технического университета (НПИ) (2007–2008 гг.).

Основные положения диссертации отражены в 17 научных публикациях, среди которых 4 – в изданиях, рецензируемых ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 158 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется уровень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, методологические принципы, научная новизна, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, его апробация.

Первая глава «Теоретико-методологические основания социально-философского анализа идентичности человека» посвящена исследованию центральной структуры личности, артикулируемой как феномен «Я» и характеризующейся сложностью и многомерностью проявлений. Также в ней получает развитие идея о трех философских модусах человеческого «Я» – идентичность (самость), «Эго» (субъективность) и «образ Я», которые взаимосвязаны и предполагают друг друга.

В **параграфе 1.1. «Человек и его индивидуальность: концептуализация понятий»** анализируется человек как главная ценность европейской культуры. В исследовании для его изучения автор обращается к таким базовым теоретическим понятиям, как «индивид», «индивидуальность», «личность», «самость».

Человек представлен как открытая система и «закрытая». Благодаря открытости системы «человек – мир» человек есть, как утверждала еще античная философия, микрокосм, отражающий и представляющий в себе макрокосм – общество, природу, мир в целом (С.Л. Рубинштейн). Человек как предмет познания имеет для науки уникальное значение: он представляет особый (индивидуально и социально) синтетическое строение, в котором нам доступна ткань универсума, и мы видим здесь подвижную точку этой ткани, находящейся в ходе преобразований (П. Тейяр де Шарден). В центре такой системы находится комплекс свойств личности с ее бесчисленным рядом социальных связей и свойств субъекта деятельности, преобразующего действительность.

Человек представлен и как система «закрытая», замкнутая вследствие внутренней взаимозависимости ее свойств (личности, индивида, субъекта): каждая индивидуальность может быть различной сложности, но она представляет всегда определенную гармонию частей и обладает своей формой и устойчивостью, гармония частей есть основа индивидуальности (В.Л. Бехтерев). В такой относительно замкнутой системе, «встроенной» в открытую систему взаимодействия с миром, образуется определенное взаимосоответствие тенденций и потенций человека, самосознание и «Я» – ядро человеческой личности.

Благодаря противоречивому сочетанию в человеке свойств открытой и закрытой систем его сознание является одновременно субъективным отраже-

нием объективной действительности и внутренним миром личности. Показателем внутреннего мира человека является духовное богатство индивидуальности, эффекты его работы путем экстерииоризации проявляются в поведении и деятельности как продукты творчества, производящего ценности для общества. Через сложные переходы по различным видам связей из закрытой системы в открытую человек вносит свой собственный вклад в материальную и духовную культуру своего общества и человечества в целом.

В социально-философском аспекте термины «индивид», «личность», «индивидуальность», «самость» близки, но по своему содержанию не тождественны. Подчеркнута их близость с такими структурными внутриличностными образованиями, как «Я», «самосознание», «самость». Для исследования теоретико-методологических аспектов идентичности человека автор обратился к их философскому анализу. Термином «индивид» обозначается человек просто как единичный представитель какого-то целого (биологического рода или социальной группы). Термин «индивидуальность» обозначает то особенное, специфическое, что отличает этого человека от всех других, включая как природные, так и социальные, как телесные (соматические), так и психические, как унаследованные, так и благоприобретенные, выработанные в процессе онтогенеза свойства. Понятие «личность» означает целостность человека в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций (ролей), личность социальна, поскольку все ее роли и ее самосознание – продукт общественного развития (И.С. Кон). К. Маркс, характеризуя сущность человека, употребляет термин «ensemble» (ансамбль), который подразумевает системный подход к определению сущности, наличие определенных «пропорций» между различными аспектами человеческого бытия, носящими конкретно-исторический характер.

В диссертации дан анализ приобщения индивида к социальному опыту. Делается вывод, что общество и личность выступают как противоположности: общество воспринимается как граница «моей» деятельности, а личное – как то, что принадлежит только «мне» и отличает «меня» от других. Процесс приобщения индивида к социальному опыту неоднозначен и противоречив: либо человек овладевает готовым, заранее данным стандартом общественного сознания, либо те или иные идеи человека становятся общим достоянием. Следовательно, сознание индивида противостоит общественному сознанию как чему-то внешнему, что и обуславливает социальную идентичность человека.

В исследовании анализируются несколько подходов к изучению личности: интраиндивидуальный и интериндивидуальный, межличностный. При интраиндивидуальном подходе в центре внимания находятся индивид и его особенности. С позиции межличностного подхода исследователь изучает не потенциальную способность человека к дружбе, а дружбу как «отношение – совместимость» двух друзей, как они реагируют в определенных ситуациях и т.п. Иначе говоря, в первом случае исследуются черты, установки, свойства личности, а во втором – закономерность процесса взаимодействия. Оба подхода

взаимосвязаны: черты личности влияют на взаимодействие индивидов и, в свою очередь, сами формируются и видоизменяются в этом процессе.

Диссертант делает вывод, что в зависимости от целей исследования преобладает или один или другой подход. Таким образом, можно сказать, что в психологии и психиатрии чаще пользуются интраиндивидуальным подходом, в социальной же психологии и социологии – межличностным, так как изучение межличностных отношений на любом уровне невозможно без учета свойств самосознания и внутреннего мира участвующих в нем индивидов, а человеческое «Я» существует лишь благодаря постоянному диалогу с другими.

Генезис «самости» в историко-философских исследованиях включает три линии его развития: консолидация единства и стабильности категориального «Я»; выделение индивида из общины; понимание индивидуальности как ценности.

В первобытном обществе родовое самосознание остается исключительно групповым самосознанием. Человек первоначально был человеком как раз за счет подавления и вытеснения своей индивидуальности. Самость – это далеко не «яйность» (Фихте, Гегель). Один из парадоксов культурного развития состоит в том, что от самости к яйности нет прямого перехода. Самость в начале должна раствориться в «мы – бытие» и только потом начать кристаллизоваться в устойчивое и собственное человеческое «я – бытие». «Мы» первобытного человека – это родоплеменная общность. Он не знает ни обобщенного понятия «человек» (человек – только соплеменник, все остальные – «чужие», «нелюди»), ни индивидуального Я.

У истоков своего возникновения понятие «личность» несет на себе отражение структурно-функциональной связи человека с окружающим миром. В философских учениях Эпикура и Полибия слово «просопон» стало уже обозначать также и социальный аспект индивида – то, чем он является для других, а потом и его самого как индивидуальное целое. У гомеровского человека понятие «самости» как чего-то внутреннего, исключительно своего еще отсутствует, он не может говорить «сам с собой». Демокрит подчеркивает автономию души и «собственного Я» как критерия нравственных оценок. Для Сократа человек – тот, кто познает и творит добро. Платон определяет человека не с точки зрения его деятельности, а с точки зрения познания данной идеи и следования ей. Таким образом, эти рефлексивные обороты не образуют последовательной логической системы, поскольку под «самостью» в разных контекстах понимаются разные вещи. У Цицерона «персона» означает и юридическую роль, и социальную функцию, и коллективное достоинство, и юридическое лицо (в противоположность недееспособной вещи), и конкретного индивида, и философское понятие человеческой природы. Ассоциация понятий «лицо» и «свобода», юридически закрепившая аксиологический аспект «самости», позже станет одним из важнейших доводов в пользу отмены рабства, а затем и крепостного права.

Согласно христианскому учению, «человек не чувствует себя органической частью, моментом космоса; он вырван из космической, природной жизни и поставлен в не ее. Без веры в Бога и без помощи божественной благодати че-

человек оказывается, согласно христианскому учению, гораздо ниже того, чем он был в язычестве» (П.П. Гайденок). Бозций трактовал «персону» в том смысле, что главным признаком лица является разумность: «...лицо есть рациональная по своей природе индивидуальная субстанция». В патристике понятие «лицо» – «только конкретизация и проявление безличной идеальной сущности». Августин исходит от «действительного Я» и приходит к «истинному Ты». Человек обращен одновременно к Богу, к ближнему и внутрь собственного «Я». Следовательно, с одной стороны Августин основывается на самодостоверности индивидуального духа, пытается открыть в воле жизненную силу личности, ее самопроизвольности, а с другой – в интересах церкви дает чисто негативную характеристику индивидуальным поступкам, утверждать извечную греховность человека и необходимость искупления. Каждый человек занимает отведенное ему место и должен соответственно поступать. Играемая им социальная роль предусматривает полный «сценарий» его поведения, оставляя мало места для инициативы и нестандартности. В эпоху Возрождения человек есть модель мира, и он отправляется открыть себя. Исходной точкой для философских учений Нового времени является учение о двойственной истине: между Я и не-Я (Фихте), природы и духа (Гегель), воли и представления (Шопенгауэр), жизни и духа (романтизм), сознательного и бессознательного (романтизм, психоанализ), наличия бытия и существования (С. Кьеркегор, современный экзистенциализм). Философия того времени рассматривала человека как часть природы и ставила вопрос об особой, отличной от природы, сущности человека.

В философии Просвещения происходит переход от индетерминизма к детерминизму, от натурализма к материализму, от деизма к атеизму. В философских исследованиях французские материалисты рассматривают человека как произведение природы, полностью детерминированное ее законами. Романтики вводят в теорию личности целую серию оппозиций: дух и характер, лицо и маска (К. Brentano, И. Гофман), человек и его «двойник», «тень» (А. Шамиссо, Л. Тик). Это делает романтический мир в высшей степени трагическим и вместе с тем театральным.

Философия экзистенциализма призывает вернуться к философии конкретного человека. «Самость» – «абстрактнейшая из всех вещей и одновременно самая конкретная, потому что она – свобода» (С. Кьеркегор). Суть положения К. Ясперса о философии человека состоит в том, что отдельный человек сам по себе не может стать человеком, и что сознание действительно лишь в коммуникации с другим сознанием, с другим самобытием. М. Хайдеггер выражает состояние нашего подлинного существования в сфере «Мир», из-под его власти выводит человека страх, и именно страх приводит наше Я к нашей собственной самости. Автор делает вывод о том, что экзистенциальная философия есть своеобразное эхо нашего времени, эпохи страха. Человек обнаруживает свою непрочность и проблематичность своей жизни, он выброшен из ничего и введен в ничто, и главный мотив и настрой его жизни есть страх и работа. И именно страх приводит наше Я от неподлинного к нам самим.

Человеческая индивидуальность не есть нечто фиксированное, что можно познать путем «вычитывания» из личности всех ее социально групповых характеристик, а есть тотальность индивидуального бытия. Если при капитализме эта тотальность деформирована и индивид определяет свое «Я», главным образом, отрицательно, отделяя себя от остальных людей и своей собственной общественной деятельности, воспринимая свои «социальные роли» как нечто внешне заданное, чуждое, то объясняется это прежде всего социологически, тем, что общественные отношения индивидов отчуждаются от них и господствуют над ними как посторонняя, внешняя сила.

В *параграфе 1.2. «Социально-философские модусы человеческого «Я»*» автор обращается к изучению многомерности проявлений феномена «Я» как структурообразующего понятия диссертационного исследования.

«Я» – центральное философско-психологическое понятие, категориальный статус которого остается достаточно неопределенным. В диссертации в структуре понятий «Я» выделяется три аспекта: идентичность (самость), «Эго» (субъективность) и «образ Я», находящийся во взаимосвязи. Как заметил еще И. Кант, сознание самого себя заключает в себе двоякое «Я»: 1) «Я» как субъект мышления, рефлексизирующее «Я»; и 2) «Я» как объект восприятия и внутреннего чувства. Отечественный психиатр С.С. Корсаков считал «Я» иерархической вершиной в психической жизни человека, высшим проявлением интеракции психического функционирования. Р. Мейли указывал, что «Я» – это субъект нашей человеческой самости. Рассмотрев основные направления изучения человеческого «Я» как структурного компонента личности, мы пришли к выводу, что среди всех философских модусов «Я» определяющим в контексте нашего исследования является самость.

Понятие «самость» введено в оборот К. Юнгом и интерпретируется как исходное состояние интегрированного организма, образ сверхординарного объединяющего принципа, архетипический образ человеческого потенциала и единства личности как целого, как суммативность личности. «Самость» – нечто среднее между сознательным и бессознательным, центр личности, не совпадающий ни с телом, ни с персоной, ни с «Я»; это точка равновесия личности. Слово «самость» обозначает некую индивидуальность, имманентную идентичность, которая сохраняется при всех изменениях окружающей среды, поддерживая и воспроизводя собственную структуру.

Историко-философский экскурс, имеющий целью анализ того, как формировались, сменяя и дополняя друг друга, разные грани понятия «Я» и представления о его природе, показывает, что проблема личности интересовала философов в двух планах: экзистенциально-этическом (какова ценность личности и способы ее самореализации) и логико-гносеологическом (каковы способы и границы самопознания). В исследовании диссертант обращается к логико-гносеологическому анализу личности, «Я», его философских интерпретаций. Для Декарта «Я» – абстрактный субъект познания, «идею Я» он объявляет врожденной. У Локка «Я» – сознающая мыслящая сущность, которая чувствует. Д. Юм утверждал, что «Я» – совокупность восприятий, следующих друг за

другом; «самость» – это целостность содержаний ума. Следовательно, «самость» индивида становится объектом философской рефлексии. И в философском анализе проблемы «Я» на первый план выдвигается диалектика взаимопроникновения индивидуального и социально-всеобщего.

Немецкий классический идеализм восстанавливает в правах понятие активно-деятельного, сущностного «Я-в-себе». У Фихте «Я» выступает как универсальный субъект деятельности, который не только познает, но и полагает, творит из себя весь окружающий мир, отрицательно определяемый как «не-Я». Гегель подчеркивает, что индивид открывает свое «Я» не путем интроспекции, а через других, в процессе общения и деятельности, переходя от частного к общему. Но Гегель в своей теории не придает самостоятельного значения конкретной индивидуальности; цель воспитания он усматривает в том, чтобы сглаживать индивидуальные особенности, подводя дух «к знанию и хотению всеобщего». Фейербах восстанавливает в правах забытое идеалистами «телесное» начало: «Я» – подлинное, чувственное существо, тело входит в мою сущность, оно и есть мое «Я». Следовательно, его Я неизбежно будет множественным. Поэтому ни индивидуально-эмпирические, ни «чистое» (логическое) «Я» не может быть исходным принципом философии. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между «Я» и «Ты».

Сводя источник самосознания к дуальному, парному общению, Фейербах не раскрывает социальной природы человека как активного, практически-деятельного существа. Индивидуальное и социальное снова оказываются разобщенными. Теоретический синтез их в единой теории личности был впервые осуществлен в философии марксизма. К. Маркс рассматривает личность как совокупность (ансамбль) общественных отношений. Благодаря индивиду существует и весь «ансамбль»; и только в ансамбле индивид начинает играть на своем особом инструменте и тем самым обретает свою сущность. Проблема самосознания приобретает, таким образом, новый, социальный ракурс. Она перерастает рамки гносеологического соотношения сознания и самосознания и приобретает целостный, социально-нравственный аспект, в котором на первый план выдвигается диалектика взаимопроникновения индивидуального и социально-всеобщего. Вследствие этого генезис «Я» оказывается не только психологической, но и социальной проблемой.

Во второй половине XIX в. философская теория сознания и личности дополняется социально-психологическими исследованиями. Психологи постепенно подходили к пониманию социальной природы «Я». У Джеймса выдвинул тезис о непрерывном процессе производства в социуме личного самосознания благодаря взаимодействию с другими людьми. Важный элемент этого взаимодействия – ожидания и оценки этих других, обращенные к действующему субъекту и становящиеся частью его внутренней мотивации. Поскольку человек, как правило, участвует во множестве разных групп, то он имеет столько же разных социальных «Я», сколько существующих групп. Автор отмечает, что социальные и индивидуально-природные компоненты «Я» остаются в схеме У. Джеймса

рядоположными. «Социализация» проблемы «Я» была продолжена Д.М. Болдуном, Ч. Кули, Д.Г. Мидом, Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном. В вопросе изучения самости обнаруживается множество новых аспектов и ракурсов. В теории «зеркального Я» Ч. Кули человеческое «Я» выглядит в ней пассивно: оно только отражает и суммирует чужие мнения на свой счет, а взаимодействие людей в процессе их совместной деятельности сводится к обмену мнениями. Д.Г. Мид самость диалектически связывает с разумом. Он стремится представить самость с точки зрения бихевиоризма: самость просто другой аспект целостного социального процесса, частью которого становится индивид. Общий механизм развития самости находится в плоскости рефлексивности, или способности бессознательно ставить себя на место других и действовать как они. Проведенный анализ демонстрирует, во-первых, то, что самость обладает общей структурой, но каждая самость получает уникальную биографию; во-вторых, существует не просто единый целостный обобщенный другой, в обществе есть множество обобщенных других. Следовательно, люди обладают многообразными общими другими и многообразными самостями.

Можно согласиться с Мидом в том, что «самость» есть социальный процесс, проходящий две фазы: I (индивидуальная ипостась социальной личности), которая является непредсказуемым творческим аспектом самости, и II (коллективная ипостась), которая представляет собой организованный набор установок других, принятие обобщенного другого. I и II составляют части целостного социального процесса и позволяют как индивидам, так и обществу функционировать более эффективно.

В бихевиоризме «самость» рассматривается как поведенческая категория, которую можно уловить только в действиях, поступках. Когнитивная психология считает «самость» познавательной схемой, благодаря которой индивид перерабатывает информацию о себе, организуя ее в особые понятия и образы. Психоанализ и эго-психология видят в «самости» мотивационный феномен, основу которого составляют влечения и потребности. Для интеракционизма «самость» – продукт межличностного взаимодействия и коммуникации. Экзистенциальная психология усматривает сущность «самости» в процессах самоактуализации, актах творчества.

С этими различиями в понимании «самости» связана и специальная терминология. В психоанализе З. Фрейда понятие «самость», с одной стороны, «Я», «сверх-Я» и «Оно» – с другой, «личность» и «идентичность» – с третьей, относится к разным уровням абстракций. «Самость» обозначает содержание психики. Юнг выделяет «самость» как субъект «тотальной психики». Термина «личность» Юнг, как и Фрейд, старается избегать; зато вводит несколько новых категорий, подчеркивающих многоликость и многоуровневость «самости»: «тень», «лицо», «душа», «персона». Г.С. Салливан считает, что система самости – защитный механизм личности, которая создает иллюзию личностного существования в условиях утраты человеком его индивидуальности. Он не считает «самость» особой структурой, наподобие «Я» или «Оно». Э. Эриксон различает в составлении «идентичности» или «эго-идентичности» глубинные

моменты, связанные с формированием синтезирующей функции «Я», и моменты, связанные с интеграцией различных «образов самости». Таким образом, в работах Юнга, Фрейда, Эриксона, Салливена не исключается необходимость взаимодействия внутреннего «Я» и общества.

Диссертант делает вывод о том, что при анализе «самости» следует говорить о разных уровнях и срезах. Идея ее постоянства, тождественности лучше всего выражается термином «идентичность», который имеет в науке о человеке три главные модальности: психофизиологическая идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и структуры организма; социальная идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам; когда такое разделение производится извне, исходит от общества, его называют объективным, когда же его осуществляет сам субъект, в терминах «мы» и «они» – субъективным; личная идентичность (или эго – идентичность) обозначает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов, смысложизненных установок личности, обозначающей себя как «самость». Изучение внутренней структуры «самости» влечет за собой дальнейшую дифференциацию понятий.

Вторая глава «Человеческая самость как фактор социальной идентичности личности» представляет социально-философский анализ самости человека, ее сущности, специфики проявлений, особенностей ее формирования.

В **параграфе 2.1. «Самость человека: социальная сущность и особенности проявления»** диссертант для объяснения смысла самости обращается к структурно-ролевой теории личности. В исследовании для анализа социальной роли используется их типология.

Существуют два разных вида принятия ролей, характеризующие две фазы в развитии личности. В первой фазе индивид примеривает на себя роли и подражает поведению конкретных лиц, во второй социально-психологические установки других людей подвергаются генерализации, появляется «обобщенный другой». Для самости существенно важна способность принимать роль обобщенного другого и способность людей оценивать себя с точки зрения обобщенного другого, а не просто с позиции отдельных других. Необходимое во взаимодействии «принятие роли другого» обеспечивает превращение внешнего социального контроля в самоконтроль и формирование человеческого Я. Человек как личность приобретает способность интериоризировать социальное действие, иными словами, превращать образцы реакций «других» на ту или иную ситуацию в собственные внутренние мотивы к действию. Интернализованная роль – это внутреннее определение индивидом своего социального положения и его отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям.

Понятие социальной роли было предложено независимо друг от друга американскими социологами Р. Линтоном и Д. Мидом в 1930-х гг. Причем первый трактовал роль социальную как единицу общественной структуры, описы-

ваемой в виде заданной человеку системы норм, второй – в плане непосредственного взаимодействия людей, «ролевых игр», в ходе которых благодаря тому, что человек представляет себя в роли другого, происходит усвоение социальных норм и формируется социальное в личности. Социальная роль – это ожидаемое поведение, ассоциируемое со статусом, который имеет человек (Р. Линтон). Линтовское определение социальной роли как «динамического аспекта статуса» закрепилось в структурном функционализме и разрабатывалось Т. Парсонсом, Радклифф-Брауном, Мертоном. Проведенный анализ взглядов Парсонса позволяет прийти к двум выводам. Во-первых, посредством интериоризации стандарта и соответствии с ним имеет тенденцию приобрести личностное, экспрессивное значение для «Я». Во-вторых, структурирование реакций другого на действия «Я» в качестве санкций есть функция его соответствия данному стандарту. Следовательно, ценностный стандарт в этом смысле всегда институционализирован к отношениям между действиями. Поэтому всегда есть два аспекта системы ожиданий, которая складывается по отношению к системе ценностей. С одной стороны, ожидания, которые частично устанавливают стандарты поведения личности, «Я»: это его ролевые ожидания. С другой стороны, ожиданий, относящихся к случайным реакциям других – санкциям. Ожидание между ролевыми ожиданиями и санкциями взаимно: то, что для «Я», – санкции, для другого – ролевые ожидания и наоборот. Проведенный анализ демонстрирует, что роль – это один из аспектов системы ценностной ориентации личности, организуемый вокруг ожиданий в их отношении к специфическому контексту взаимодействия. В исследовании отмечается, что при всех различиях оба подхода объединяет представление о социальной роли как об узловой точке, в которой смыкаются индивид и общество. Индивидуальное поведение превращается в социальное, а индивидуальные свойства и наклонности людей сопоставляются с нормативными установками общества. В зависимости от этого происходит разделение людей на те или иные социальные роли.

В диссертационном исследовании выявляется диалектика индивидуального и социального в понимании ролевого описания. Показывается, что оно осуществляется на трех различных уровнях: в рамках безличной макросоциальной системы (социологический уровень), в рамках непосредственного межличностного взаимодействия (социально-психологический уровень) и в рамках индивидуальной мотивации (внутриличностный уровень). Рассмотрен драматургический подход И. Гофмана. Самость «есть театральный эффект, порождаемый разыгрываемой сценой» (И. Гофман). Автор исследования указывает на то, что в драматургической концепции И. Гофмана личность рассматривается как набор масок для представлений, скрывающих манипулятивное и циничное «Я». Следовательно, для описания гофмановского подхода подходит тезис двух «Я»: имеется в виду то, что люди одновременно обладают внешним «Я» для представлений, и скрытым, циничным «Я». Маска представляет роль, которую мы стараемся оправдать своей жизнью. Она есть наше более истинное Я, чем то Я, каким нам хотелось бы быть. Диссертантом делается вывод, что решением конфликта между спонтанной самостью и социальными ограниче-

ниями в самости, переводя на язык Гофмана, рассогласованием между нашими общечеловеческими «Я» и нашими социализированными «Я», является поддержание стабильности своего имиджа. Любой человек, имеющий между этими двумя идентичностями разрыв, «заклеймен». Выход из стрессовой ситуации связан с осуществлением выбора социальных образцов поведения.

С социально-философских позиций маска понимается как определенная модель, тип поведения, который не может быть нейтральным по отношению к «Я». Маска компенсирует то, чего личности, по ее самооценке, не хватает и что ей, по-видимому, нужно. Маска – одновременно и символ приспособления к миру, и символ чуждых, безличных сил, навязывающих личности свои законы. С психологической точки зрения, сила маски в том, что она обозначает реальное поведение (она экспрессивна, выражена в действии, в отношениях с другими людьми), и в этом смысле она всегда подлинна, тогда как то, что индивид считает своим «подлинным Я», может быть и иллюзорным. Теория конфликта позволяет углубить представления о социальной самости, как того «амплуа», которое приписывается личности обществом и индивидом самому себе. Иначе говоря, речь идет о том, какие роли может, с точки зрения общества, и хочет, чувствует в себе для этого силы, с точки зрения индивида, выполнить данная личность.

В параграфе 2.2. «Рефлексирующее «Я» как условие формирования социальной самости» рассматриваются динамические аспекты «Я», условия его становления как основы социальной самости.

Человеческое «Я» подразумевает два диаметрально противоположных вопроса: «Что такое «самость»?» и «Кто Я?». Здесь переплетаются родовые возможности человека и индивидуальные. Понятие «Я» предполагает внутреннее единство и тождественность личности, индивид имеет множество разных «образов Я», которые конструируются под разными углами зрения. Автор пришел к выводу о том, что все эти образы характеризуют внутренний мир индивида и многочисленными нитями связаны с его жизненным опытом и реальным взаимодействием с другими людьми.

Понимание теоретического статуса «образа Я» возможно с помощью теории социальной установки. Диссертант делает вывод о том, что социальная установка содержит в себе три взаимодействующих компонента: когнитивный (познавательный) – определенные представления и мнения об объекте; аффективный (эмоциональный) – положительные или отрицательные чувства к объекту; поведенческий – готовность к определенному образу действий в отношении объекта. Социальные установки облегчают личности приспособление к среде (установка закрепляет то, что способствует удовлетворению потребностей субъекта), познание (установка систематизирует предшествующий опыт взаимодействия субъекта с объектом), саморегуляцию (устойчивая система социальных установок – необходимая предпосылка творческой активности личности, самовоспитания и т.п.) и психологическую защиту (наличие определенной системы установок позволяет индивиду уклониться от осознания таких аспектов действительности, которые могли бы поколебать устойчивость его личности).

По мере того как субъективный опыт охватывает все более значительные отрезки времени, формируется индивидуальная история – память о последовательности эпизодов. На этой основе появляется «самость» или «Я» как результат долгосрочной памяти, составляющей как бы летопись субъективных переживаний индивида. Необходимым же следствием и одновременно условием функционирования «Я» является самосознание, т. е. интерпретация субъективного опыта индивида в свете прошлой истории его жизненных переживаний и особенно наиболее устойчивых ее черт. Интерпретация личного, сиюминутного содержания сознания в свете прошлого опыта дает мощное подкрепление низшим уровням информации, активизируя воспоминания о других значимых жизненных переживаниях, а затем – систематический, целенаправленный поиск такой информации. Другими словами, проявляется особый познавательный процесс, объектом которого является сам субъект, – самопознание.

В качестве общей модели формирования самости можно использовать генезис детского самосознания. Процесс полного развития самости проходит две стадии. Самость индивида конституируется организацией: 1) отдельных установок других индивидов по отношению к нему самому и друг к другу в рамках социальной деятельности; и 2) социальных установок обобщенного другого или социальной группы, которые включаются в сферу непосредственного опыта индивида и в качестве элементов инкорпорируются в его самость. Присутствует набор реакций этих других, организованных так, что установка одного вызывает соответствующие установки другого. И именно на этой стадии возникает личность. На первой стадии генезиса достаточно лишь доли самости, на второй – требуется целостная самость. Диссертант делает вывод о том, что организованную самость выстраивает организация установок, которые являются общими для всех членов группы. Самости могут существовать лишь в определенных отношениях к другим самостям. И структура самости выражает или отражает всеобщую повседневную модель социальной группы, к которой индивид принадлежит.

Когнитивная схема «самости» строится по следующим принципам: интериоризация, усвоение оценок других людей; социальное сравнение; самоатрибуция; смысловая интеграция жизненных переживаний. Хотя интериоризация внешних оценок, социальное сравнение и самоатрибуция – психологически разные процессы, они взаимосвязаны и часто переходят друг в друга на основе принципа смысловой интеграции «образа Я».

Разная субъективная значимость отдельных аспектов «Я» позволяет людям гармонизировать свои социальные и личные притязания, находить оптимальные – не «вообще», а для себя – направления самореализации, компенсировать слабости, признавать сильные стороны других не в ущерб собственному «Я». Дифференцированно-избирательная система личных ценностей и самооценок позволяет большинству людей сохранять высокое самоуважение, независимо от своих жизненных поражений и неудач. Возможность изменения «образа Я» и степень его постоянства также зависят от того, насколько значи-

мы для индивида подразумеваемые качества: более важные, центральные роли или свойства, естественно, изменяются труднее и предполагают большее личностное постоянство. Следовательно, рефлексивное «Я» – это познавательная схема, опосредствующая обмен информацией между индивидом и средой.

В *параграфе 2.3. «Социальная самость личности в современных российских условиях»* раскрывается кризисный характер социальной самости в условиях кардинального изменения всей совокупности социальных ролей и становления новых амплуа личностей представителей старших (советских поколений) и включения в систему социальных ролей нового (постсоветского) поколений россиян.

Современный реифицированный мир, по определению, мир дегуманизированный, он воспринимается человеком как чуждая фактичность, которая ему неподконтрольна. Таким же образом могут быть реифицированы и роли. Та часть самосознания, которая была объективирована в роли, воспринимается в качестве неизбежной судьбы, за которую индивид снимает с себя ответственность. Это значит, что реификация ролей уменьшает субъективную дистанцию, которая может быть установлена индивидами между собой и своим исполнением роли. Эта дистанция как следствие деидентификации уменьшается вплоть до полного исчезновения. Наконец, сама идентичность (самость) – как своя собственная, так и других людей – может быть реифицирована. И тогда происходит полная идентификация индивида с социально предписанным амплуа. Он воспринимается не иначе, как только такой тип.

Современный мир является настолько сложным в плане взаимодействия между людьми, а возникающие ситуации настолько многочисленными и часто непредсказуемыми, что человек вынужден обладать знанием большого количества ролей-функций. Расширение проблемных ситуаций, возникающих в многомерном социальном пространстве, осуществляется при помощи выполняемых ролей, используемых как инструменты, как набор инструментов для выхода за них. Включение человека одновременно в разные общественные структуры, в разные социальные общности может порождать ролевой конфликт, когда предъявляемые ими требования к поведению человека, экспектации оказываются неоднозначными или прямо противоположными.

Столкновение ролевых «Я» в условиях сложной современной жизни является естественным и неизбежным состоянием личности, существующей в обществе, ассоциированном из различных культурных образований. И именно самость гарантирует целостность личности, ее тождество с собой. Современный кризис идентичности проявляет себя в различных формах: депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различных формах зависимости и беспомощности, стремлении убежать от реального мира, проявлениях избыточной власти, разных формах мистицизма, нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме, употреблении наркотиков, сексуальных извращениях. Человек испытывает социокультурный шок, когда рушатся привычные символы, знания, смыслы социальной реальности, привычные картины мира и себя в мире. Идентичность не успевает за социальными изменениями, затрудняя адаптацию, воз-

вращая человека в прошлое, стимулируя настроение социальной ностальгии и апатии вместо активной жизненной позиции.

Переопределение идентификационного выбора превращается в источник социальной депривации – советский средний класс ощутил ролевую депривацию, дискомфорт по сравнению с теми социально-профессиональными слоями, которые в советском обществе были периферийными (нефтяники, работники банковского сектора). Депривация усиливается по причине обесценивания образовательного и профессионального статуса. Драматизм жизненных перемен для этой категории людей состоит в том, что, несмотря на то, что они продолжают работать (в России 60 % бедных работают), их уровень доходов, возможность удовлетворения социальных потребностей дотягивают только до простого воспроизводства, недостаточного для жизненного рывка, занятия собственным делом. В идентификации просматриваются механизмы «привыкания» к безопасности, отказа от соревновательности, люди отождествляют себя не с новыми социальными слоями, а с воображаемыми общностями с целью социальной компенсации и выражения символического протеста против перемен.

В идентификационных стратегиях россиян по отношению к социально-политическому полю прослеживается ограничение возможностей гражданской идентификации. Гражданская идентичность российского общества несет в себе вероятность социальной дисфункции и деструкции, поскольку во многом строится на негативных проекциях во всех базовых полях идентификации. Отношение большинства молодежи к государству и политической власти часто носит характер нигилистического игнорирования, политическое поведение показывает пренебрежение соответствующими социальными ролями. Экономическое поведение демонстрирует принятие частью молодежи нелегитимных технологий, социальная мобильность носит в значительной степени нисходящий характер. Культурный стандарт снижается для большинства и возрастает для меньшинства, причем с ориентацией на западные культурные образцы. Продолжается расширенное воспроизводство явлений социальной патологии (наркомания, проституция, пьянство, преступность и пр.), которые становятся фактическими атрибутами социальной жизни современного общества и выступают для определенной части молодежи в качестве референтного образца, своего рода квазинормы.

Однако есть основания утверждать, что кризис гражданской идентичности, активно проявившийся с конца 1980-х – начала 1990-х гг., связанный с распадом Советского Союза и разрушением привычной гражданской идентичности, постепенно преодолевается. Происходит конвергенция традиционных консервативных ценностей российской культуры и новаций, привнесенных реформированием общества и его открытостью для иных культур.

В Заключение диссертационной работы подводятся итоги, формулируются выводы и определяются направления дальнейшей исследовательской работы.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рецензируемых ВАК

1. Денисова И.В. Экзистенция как предмет философского дискурса // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 11. – С. 23 – 28 (0,32 п. л.).
2. Денисова И.В. «Я» (самость) в концепциях символических интеракционистов // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 12. – С. 62 – 65 (0,13 п. л.).
3. Денисова И.В. Научно-психологический анализ «Я» (самость) // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. – 2007. – № 13. – С. 139 – 143 (0,38 п. л.).
4. Денисова И.В. Рефлексивное «Я» как условие самоидентификации человека // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. – 2008. – № 1(14). – С.101 – 106 (0,40 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

5. Денисова И.В. Социализация личности // В новое тысячелетие – с новыми технологиями сбраования: Сб. ст. II межвуз. науч.-метод. конф., посвящ. 95-летию инж.-мелиоратив. фак-та, 17–18 апреля 2002 г. / Новочерк. гос. мелиор. академия. – Новочеркасск, 2002. – С. 50–52 (0,13 п. л.).
6. Денисова И.В. Три аспекта человеческой природы // Единство образовательного и культурно-воспитательного пространства в системе высшей школы области как основа модернизации образования: Тез. докл. V обл. науч.-практ. конф. / Рост. гос. строит. ун-т. – Ростов н/Д, 2004. – С. 177–181 (0,25 п. л.).
7. Денисова И.В. Коммуникативная деятельность или общение, осмысливая концепции 70-х годов // Проблемы гуманитарного образования и воспитания: материалы регион. межвуз. науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава, науч. сотр., асп. и соискателей, пос. Персиановский, 25–26 мая 2004 г. / Донской гос. аграрный ун-т. – пос. Персиановка : ДонГАУ, 2004. – С. 101–103 (0,18 п. л.).
8. Денисова И.В. Ситуационный характер актуализации потребности // Лосевские чтения : материалы науч.-теор. конф. «Цивилизация и человек: проблемы развития», май 2004 г., г. Новочеркасск / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т. – Новочеркасск: Темп, 2004. – С. 73–76 (0,19 п. л.).
9. Денисова И.В. Модусы человеческого «Я» // Человек и общество: поиски, проблемы, решения : Сб. науч. ст. / Новочерк. гос. мелиор. академия – Новочеркасск: НГМА, 2005. – Вып. 10. – С. 57–60 (0,21 п. л.).
10. Денисова И.В. Феномен самости // Человек и общество: поиски, проблемы, решения: Сб. науч. ст. / Новочерк. гос. мелиор. академия – Новочеркасск: НГМА, 2005. – Вып. 10. – С. 61–64 (0,24 п. л.).
11. Денисова И.В. Формирование «Я» в юношеском возрасте // Человек и общество: поиски, проблемы, решения: материалы 1-й Междунар. конф., 25 апреля 2005 г. / Новочерк. гос. мелиоратив. академия – Новочеркасск, 2005. – С. 56–60 (0,27 п. л.).

12. Денисова И.В. Социальная самость // Лосевские чтения: тр. Междунар. ежегодн. науч.-теор. конф., май 2006, г. Новочеркасск / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск: Набла, 2006. – С.76 – 79 (0,19 п. л.).
13. Денисова И.В. Феномен самости в истории философии // Социальное знание и практика: Сб. науч. ст. / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск, 2006. – Вып. 1. – С. 48–55 (0,39 п. л.).
14. Денисова И.В., Гульянц Э.К. Личностно-ориентированное педагогическое взаимодействие // Личностно-ориентированная дидактика: Сб. науч. тр./Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 1999. – С. 16–23 (0,44/0,32 п. л.).
15. Денисова И.В., Чернова Т.С. О соотношении индивида и социальности в культуре // Студенческая научная весна – 2007: материалы Межрегион. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых Южного федерального округа / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск: ЛИК, 2007. – С. 126–127 (0, 09/0,06 п. л.).
16. Денисова И.В., Воденко К.В. Религия в контексте культуры // Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск: Набла, 2007. – 146 с. (9,12/7,3 п. л.).
17. Денисова И.В., Юсупова Ж.М. Краткий экскурс в философию бытия экзистенциализма //Студенческая научная весна – 2008: материалы Межрегион. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых Южного федерального округа / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск: ЛИК, 2008. – С. 231–232. (0, 09/0,08 п. л.).

Денисова Ирина Валентиновна

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ САМОСТИ ЛИЧНОСТИ

Автореферат

Подписано в печать 13.11.2008.

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Ризография. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100. Заказ 936.

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Издательство ЮРГТУ (НПИ).

Адрес ун-та и Издательства
: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.

102